
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

О. И. Савиных¹

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

АНТИЧНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ В РОМАНАХ К. ВОЛЬФ «МЕДЕЯ. ГОЛОСА» И Л. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Рассматривается поэтика романов К. Вольф и Л. Улицкой, в основе сюжета которых – миф о Медее. Выявлены общие тенденции обоих романов, связанные с традициями древнегреческого эпоса: уравновешенное, созерцательное спокойствие, сопутствующее описанию героя, пластичность и монументальность изображения, идеализация повествования о далеком прошлом и др. Оба произведения можно назвать романами-предупреждениями, напоминающими об утраченной человеком в ходе исторического процесса гармонии с окружающим миром, носителем идеи которой и становится Медея. В ходе исследования используются сравнительно-типологический метод, а также методика интермедиального анализа.

Ключевые слова: Криста Вольф, Людмила Улицкая, античная традиция, образ Медеи, эпический вещизм, синкретизм, интермедиальность.

¹ Ольга Игоревна Савиных – аспирант кафедры зарубежной литературы Института Филологии и Журналистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Savinykh O. I.

Lobachevsky State Universitz of Nizhni Novgorod

**ANTIQUÉ EPIC TRADITION AND SOME
PECULIARITIES OF THE POETICS IN THE NOVELS BY C.
WOLF «MEDEA: THE VOICES» AND BY L. ULITSKAYA
«MEDEA AND HER CHILDREN»**

The paper outlines the features of the poetics of the novels of C. Wolf and L. Ulitskaya as representation of the Medea's plot. Comparative-typological method, as well as a methodology of intermedia studies are used in the paper. Such features typical of the early epic tradition as the balanced, contemplative tranquility accompanying the image description, its plasticity and monumentality, the idealization of the narrative of the distant past, etc. are associated with the peculiarities of the hero's image embodiment and contribute to a large extent to the creation of the majestic atmosphere around Medea in the poetics of both novels. All mentioned features not only create a special perception of the image of the main character, but also allows us to recall the idea of the lost in the course of the historical process harmony with the world, which the image of Medea embodies. In this regard, we can call both novels warning.

Keywords: Christa Wolf, Ludmila Ulitskaya, ancient tradition, Medea's image, epic stuff, syncretism, intermediality.

Рассматривая многочисленные обращения к мифу о Мееде в литературе, живописи, кинематографе XX–XXI вв., можно проследить за редким исключением две основные линии восприятия героини и сюжета в целом. Обе эти линии, несмотря на кардинальные отличия, тем не менее, восходят к античной традиции и связаны с двойственностью этого мифологического персонажа, обусловленной его полубожественным происхождением, родством героини, как со светлым Гелиосом, так и с темной Гекатой [Шарыпина, 2006, с. 105-110], [Ровенская, 2001]. Для рассматриваемых романов К. Вольф и Л. Улицкой характерна такая трактовка этого античного образа, которая связывает Меедею прежде всего со светлым (дневным) Гелиосом, а не с мрачной (ночной) Гекатой [Ивлиева, 2017, с.117-124], [Ивлиева, 2012, с. 68-72]. Созданию величественной атмосферы вокруг Меедеи в обоих произведениях способствуют такие черты стиля, свойственные ранней эпической традиции и связанные с особенностями воплощения образа

героя, как уравновешенное, созерцательное спокойствие, сопутствующее его описанию, пластичность и монументальность изображения, идеализация повествования о далеком прошлом, эпическое раздолье и др. В романе Кристи Вольф это очевидно, поскольку автор не только является дипломированным филологом, но, размышляя о будущих произведениях на античные сюжеты, совместно с мужем, известным писателем и историком, посещает Грецию, изучает особенности древнегреческой культуры, работы И.Я. Бахофена, Дж. Томсона, Р. Ранке-Грейвса, Г. Готнер-Абендрот, о чём свидетельствуют её четыре «Франкфуртские лекции» [Вольф, 1990].

Необходимо отметить, что существует несколько вариантов мифа о Медее, по одному из которых Медея сама убивает своих детей, тогда как в более раннем его варианте коринфяне виновны в их убийстве [Шталь, 1990]. Авторы исследуемых произведений также обращаются к традиции античного театра, избегавшего показа и изображения ужасного: авторы обоих романов выбирают последний вариант и освобождают свою героиню от виновности в убийствах и преступлениях [Гаспаров, 1997, с.449-482]. Медея в романе К. Вольф – жертва клеветы, она не убивала детей, Апсирга и Главку. В произведении Л. Улицкой Медея не просто лишена детей, что делает невозможным их убийство, но и не является носителем мести, факт измены мужа переживается ею глубоко внутри: «Неведомая никогда душевная тьма накатилась на нее. До позднего вечера просидела она, не меняя позы. Потом встала и начала собираться в дорогу» [Улицкая, 2011, с. 104]. Оба романа, обращаясь к мифу, перерабатывают в разной степени мифологический сюжет [Воротникова, 2007], ориентируясь на собственную политическую и нравственную позиции, выходя на проблемы современности, либо в соответствии с процессом банализации [Коуа, 2006], заключающемся, по мнению некоторых исследователей, в демистификации мифологических сюжетов и персонажей, изменении их морального и социального статуса [Moreau, 1994]. Так, роман К. Вольф имеет явную политическую подоплеку, связанную с событиями собственной биографии писательницы в период объединения Германии, чем и объясняется перенос акцентов с традиционного мотива мести и изменение сюжета [Greiner, 1990],

[Reich-Rainicki, 1994], [Schirmacher, 1990], [Wolf, 1999]. В романе «Медея» Л. Улицкой также повороты в судьбе героини и её знакомых и родственников обусловлены движением истории, политическими процессами, идущими в обществе: «Он любовался этой землей...она была скифская, греческая, татарская, и хотя теперь стала совхозной и давно тосковала без человеческой любви и медленно вымирала от бездарности хозяев, история все-таки от нее не уходила» [Улицкая, 2011, с.11]. Тоска по утраченной классической гармонии ощущается и в образе самой Медеи: «Ей давно уже не с кем было говорить на этом изношенном полнозвучном языке, родившем большинство философских и религиозных терминов и сохранившем изумительную буквальность и первоначальный смысл слов» [Улицкая, 2011, с. 5]. Отсылают к античности и отражают процесс банализации описание сундука Медеи, который представляет собой собрание ничтожных драгоценностей: «Три поколения девочек замирали перед ним с вожделением. Все они верили в то, что сундучок Медеи полон драгоценностями. И в самом деле, там лежало несколько бедных драгоценностей: большая перламутровая камень без оправы, которую проели в двадцать четвертом году, три серебряных кольца и кавказский наборный пояс» [Улицкая, 2011, с. 97], упоминание «комплекса с мифологическим названием» [Улицкая, 2011, с. 101], «античная телесная одаренность» [Улицкая, 2011, с.67] Бутонова.

Что же касается центрального нравственного вопроса гомеровского эпоса о ценности человеческой жизни или проблемы зависимости человека от предначертанной ему доли, то, возникая по ходу развития действия романов, они получают иное, чем в древнегреческом эпосе истолкование. Таковы сюжетные линии, посвященные трагическим судьбам Маши и Вани Муцетони, ставшего инвалидом: «Он не знал до этого, как хрупок человек, и ужасался» [Улицкая, 2011, с. 71], «Не было, оказывается, никакой независимости – одна видимость» [Улицкая, 2011, с. 72]. Стоически противостоит невзгодам, сопровождающим ее жизнь Медея Синопли: «Это была все-таки жизнь, и Медея готова была нести этот груз бесконечно» [Улицкая, 2011, с. 99]. Медею же К. Вольф можно отнести к очередной жертве общества, в реальном мире она не находит себе места: «...можно ли помыслить такой мир, такое время, где я пришлось бы к месту?» [Вольф, 2001, с. 280].

В большей степени связь с античностью проявляется в трактовке образа Медеи и в традиции изображения героя. Медея в обоих романах – цельная личность, она монументальна и царственна. Это отмечено и в описании внешности, и поведения обеих героинь. Медею К. Вольф отличает независимость и внутренняя сила: «...принужденно идет нам навстречу, шагом смелым и твердым, стройная, но и статная, являя такое достоинство лица и осанки» [Вольф, 2001, с. 148], а в облике Медеи Синопли неоднократно подчеркивается иконописность лица: «Иван Исаевич изумился ее иконописному лицу» [Улицкая, 2011, с. 142]. Традиционно приписываемая связь Медеи с Гекатой, колдовством, у К. Вольф сведена исключительно к знахарским способностям: «...Про колдовство коринфяне твердят. Просто она упорно распространяла свои, похожие, просто неисчерпаемые, знания о съедобных диких растениях» [Вольф, 2001, с. 149]. Медея Синопли также лишена колдовских способностей: подобно мифологической колхидской царевне она может видеть в темноте и лечить людей. Единственная вина Медеи К. Вольф – способность сохранять цельность, быть верной своей натуре («необузданна, так коринфяне говорят, для них всякая женщина, если она пробует жить своим умом, уже необузданная. А мне их коринфские жены напоминают прирученных, тщательно выдрессированных домашних зверьков» [Вольф, 2001, с. 133]). Эта Медея гордо противопоставляет себя коринфским женщинам. В романе Улицкой она не противопоставляет себя враждебному миру, но является носителем отживающей эллинской культуры, с ее природой и традициями: «Медея Мендес, урожденная Синопли, ...осталась последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе Таврических берегах» [Улицкая, 2011, с. 5], заключает в себе космос Медеи Синопли [Тишунина, 2001, с.149-154]. Не имея собственных детей, она становится центром притяжения «многочисленных племянников и внучатых племянников» [Улицкая, 2011, с. 7].

Характерно для обоих романов описание событий, значительно отстоящих от момента повествования, и «эпическое раздолье», объясняющее особенности хронотопа. У К. Вольф повествование начинается с авторских размышлений и приглашения

читателя погрузиться в другой мир. Помимо мира, где живут герои и происходят события, существует еще один – авторский, и он внесен в структуру романа: «Ахрония – это не бездушная соположенность эпох, а скорее их сочлененная «вставленность» друг в друга наподобие штатива, это каскад омолаживающихся структур. Их можно растянуть, как мехи гармошки, и тогда от одного конца до другого очень далеко, а можно и вложить друг в друга, наподобие кукол в русской матрешке, чтобы «стенки» времен почти соприкасались» [Вольф, 2001, с. 129]. И далее после непосредственных авторских рассуждений читатель погружается в мир античный, причем создается впечатление того, что и Медея проходит тот же путь, выбирается из «колодца времени»: «Язык прошлого. Помогите же, помогите мне выбраться из этого колодца» [Вольф, 2001, с. 132]. Показательно, что появляется символизирующий связь времен колодец и у Л. Улицкой: «усадебная была ступенчатая, террасами, с колодцем в самом низу» [Улицкая, 2011, с. 10], соотносящийся с воспоминаниями Медеи К. Вольф о её детстве «когда ты брала меня за ручку и вела в наш внутренний двор с колодцем посредине, помнишь, нигде я не встречала колодца красивей...» [Вольф, 2001, с. 133]. Дорога от колодца, описываемая Л. Улицкой, также отсылает к временам Медеи К. Вольф: «поднимаясь к дому по неудобной лестнице-тропке, как будто приноровленной к шагу женщины, несущей на голове кувшин» [Улицкая, 2011, с. 21]. Кстати, символический колодец времени, колодец памяти отсылает не только к античной мифологии или фольклорным волшебным сказкам, но и к символике в тетралогии об Иосифе Т. Манна, где этот образ, как лейтмотив, проходит через всё повествование. О своей преемственности по отношению к воззрениям Т. Манна на миф и мифологию Криста Вольф писала во «Франкфуртских лекциях», в частности о тщательном прочтении ею переписки Т. Манна и венгерского филолога, ученика К. Г. Юнга, К. Кереньи [Вольф, с. 282-283].

В обоих романах хронотоп будет выходить за традиционные для этого античного сюжета рамки одного дня. В романе Вольф дано подробное описание первой встречи Медеи и Ясона, жизни ее в Коринфе, что обусловлено замыслом романа, история же семьи Синопли, которая «расщепилась на две линии» [Улицкая, 2011, с. 7],

также представляет собой описание событий, охватывающих значительный период времени.

В художественной ткани обоих романов можно отметить отчасти и условно понимаемый эпический вещизм, выражающийся в уделении значительного внимания подробному описанию «декораций», т.е. места действия или одеяния героев. Так, К. Вольф стремится сохранить колорит и прибегает к описанию строений и одежд героев: «Дворец ее отца, выстроенный, кстати, целиком из дерева, украшенный завитушками и искусной резьбой...» [Вольф, 2001, с. 151]. Роман же Л. Улицкой с цветущими глициниями и тамарисками цвета клюквенного мусса отличается в полной мере живописной и кинематографической насыщенностью. В процессе повествования Л. Улицкая часто останавливает действие для подробного описания вещей: «Георгий спустился к колодцу. Это был глубокий каменный резервуар, сложенный татарами в конце прошлого века...» [Улицкая, 2011, с. 21], «Медя налила кофе в грубую керамическую чашку, из которой пила уже лет пятнадцать. Чашка была тяжелой и нескладной... Темно-сине-красная, в потеках запекшейся глазури, шершавая...» [Улицкая, 2011, с. 22]. Учитывая упомянутую кинематографичность и живописную составляющую романа, в его отношении можно применить и трансформированное понятие синкретизма¹. Так, одна из наиболее ярких сцен у К. Вольф – сцена первой встречи Ясона с Медеей – содержит подробное описание одежды героини, ее расположения (композиция) и производимого впечатления. Слова «как сейчас вижу» и глаголы настоящего времени, которое используются при описании картины, создают впечатление некоего живописного полотна: «Как сейчас вижу: в красно-белой оборчатой юбке, какие там носят все женщины, в облегающем черном зипуне, склонившись над трубой и подставляя струе чашу своих ладоней, она пьет воду. Как сейчас помню: завидев нас, она

¹ В данном случае под синкретизмом будет пониматься не столько многофункциональность эпоса с точки зрения включения научных знаний или выполнения определенных социальных функций, а синкретизм различных видов искусства, т.е. – интермедialность [Владимирова, 2016], [Тишунина, 2001], [Фатеева, 2000].

выпрямляется, отряхивает руки и непринужденно идет нам навстречу, шагом смелым и твердым, стройная, но и статная... Странно все это было – наблюдать, как она в знак мира приветствует нас поднятыми вверх ладонями, жест, подобающий только царственным особам» [Вольф, 2001, с. 148]. Подобное описание соотносится с канонами классицистической живописи, которая основывалась на использовании форм и образцов античного искусства. «Картинность» жеста Медеи, «статность» ее фигуры отсылает к работам классицистов, стремившихся к скульптурной четкости форм, пластической завершенности рисунка, к ясности и уравновешенности композиции [Лексикон неоклассики, 2003]. Примечательно, что у классицистов обращение к сценам из античных времен было наполнено современным звучанием, что также сближает роман с канонами классицистической живописи: «Мы ли спускаемся к древним, они ли нагоняют нас? И то, и другое, вместе. Порою достаточно просто протянуть руку. И вот они уже легко перемахивают на нашу сторону, эти чужегости, столь похожие на нас» [Вольф, 2001, с. 130]. Та же статуарность, четкость форм проявляется и в описании царицы Меропы: «То, что она сидит подле царя безмолвно, как статуя, что она его ненавидит, а он ее боится, – это только слепой мог не заметить... она, едва закончилась трапеза, встала и, ни слова не говоря, даже не кивнув на прощанье хотя бы иноземным купцам и посланникам, удалилась, прямая и непреклонная в своем златотканом праздничном одеянии...» [Вольф, 2001, с. 134].

Помимо этого в роман введены герои, напрямую связанные со скульптурой («его звали Ойстр, и я много о нем слышала, он ваяет надгробья для знатных особ, боги дали ему золотые руки...» [Вольф, 2001, с. 200]), чья внешность часто отражалась в их произведениях «Аретуза, которая здесь жила ...оказалась резчицей по камню, ее точеная головка в профиль очень напоминала геммы, которые она вырезала из камня» [Вольф, 2001, с. 201].

В романе Л. Улицкой часто используется кинематографическая образность: «со стороны, как будто с экрана» [Улицкая, 2011, с. 93], «мелькнула в глубине кадра» [Улицкая, 2011, с. 93], «все приобретало кинематографический охват и одновременно кинематографическую приплюснутость» [Улицкая, 2011, с. 93], в том числе и прием укрупнения кадра при описании изготовления пахлавыв:

«мелькали в пестрой тени натертые маслом женские руки» [Улицкая, 2011, с. 16].

Авторы обоих романов перерабатывают мифологический сюжет либо в соответствии со своей политической и нравственной позицией, выходя на проблемы современности, либо в связи с процессом банализации, заключающемся, по мнению некоторых исследователей, в демистификации мифологических сюжетов и персонажей, изменении их морального и социального статуса. Так, роман К. Вольф имеет явную политическую подоплеку, связанную с событиями биографии писательницы в период объединения Германии. В романе Л. Улицкой также повороты в судьбе героини, её знакомых и родственников обусловлены движением истории, политическими процессами, идущими в обществе. В связи с переориентацией концепции личности в XX и начавшемся XXI вв. закономерно изменяются и критерии в оценке традиций классического наследия и развития культуры как таковой. Как следствие этого идёт процесс пересмотра содержания античного кода в европейском культурном сознании XX века. Оба романа, таким образом, выражают общую тенденцию в современном освоении античного наследия, в частности, в изображении Медеи. Общее в трактовке Медеи – сила личности героини, способность нести бремя ответственности за себя и других. Медея К. Вольф, оклеветанная и вынужденная противостоять окружающим в городе, где все «зиждется на злодействе», или Медея Синопли, прощающая и стойко переносящая невзгоды, остаются верны себе, воплощая созидающее начало в противовес традиции изображения Медеи как воплощения хаоса, ужаса и разрушения. Эти героини противостоят хаосу, цивилизации города, погрязшего в преступлениях, или разрушающихся традиций и нравственности.

Такие черты, присущие гомеровской традиции, как эпическое раздолье, отчасти эпический вещизм, а также эпический синкретизм, живописность и пластичность повествования, используемые писателями в контексте современных принципов интермедиальности, с одной стороны, формируют восприятие главной героини, с другой – напоминают об утраченной человеком в ходе исторического процесса гармонии с окружающим миром. В этом отношении оба произведения можно назвать романами-предупреждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Владимирова, Н. Г.** Интертекстуальность. Интермедиальность. Интердискурсивность: учеб. пособие / Н.Г. Владимирова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2016. – 170 с.
- Вольф, К.** Истоки одной повести: Кассандра. Франкфуртские лекции / Пер. Н. Федоровой (лекции 1 и 2) и А. Карельского (лекции 3 и 4) / К. Вольф // Вольф К. От первого лица. – Москва: Прогресс, 1990. – 414 с.
- Вольф, К.** Кассандра. Медея. Летний этюд / К. Вольф. – Москва: Олимп, АСТ, 2001. – 448 с.
- Воротникова, А. Э.** Мифорецепция в романе К. Вольф «Кассандра». Монография / А.Э. Воротникова. – Воронеж: ВГПУ, 2007. – 150 с.
- Гаспаров, М. Л.** Избранные труды. Т.1: О поэтах / М.Л. Гаспаров. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 664 с.
- Ивлиева, П.Д.** От П. Корнеля к Л. Улицкой: эволюция образа Медее в Европейской литературе / П.Д. Ивлиева // Филология: научные исследования. – 2017. – № 3. – С. 117-124.
- Ивлиева, П. Д.** Сюжет о Мееде в романах Л. Улицкой «Медее и ее дети» и К. Вольф «Медее. Голоса» / П.Д. Ивлиева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1-2. – С. 68-72.
- Лексикон неклассики.** Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В.В. Бычкова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 607 с.
- Ровенская, Т. А.** Архетип Дома в новой женской прозе, или Коммунальное житие и коммунальные тела / Т.А. Ровенская // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований. – Минск, 2001. Март.
- Тишунина, Н. В.** Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана / Н.В. Тишунина // Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 149-154.
- Улицкая, Л.** Медее и ее дети / Л. Улицкая. – Москва: Издательство АСТ, 2011. – 352 с.
- Фатеева, Н. А.** Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – Москва: Агар, 2000. – 280 с.
- Шарыпина, Т. А.** «Мама Медее» Тома Ланоя: бельгийский вариант в немецком контексте / [Т.А. Шарыпина](#) // [Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Филология](#). – Вып. 1(7). – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 105-110.

Шарьпина, Т. А. Проблема взаимодействия видов искусств в немецкой философско-эстетической мысли на рубеже XIX-XX вв. /Т. А. Шарьпина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 993-997.

Шталь, И.В. О происхождении богов / И.В. Шталь. – Москва, 1990. – 320 с.

Greiner, U. Mangel an Feingefühl / U. Greiner // Die Zeit. 1. Juni. – 1990.

Koua, V. Médée figure contemporaine de l'interculturalité: Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université de Limoges (France) et de l'Université de Cocody (Côte d'Ivoire), 2006. –372 p.

Moreau, Alain. Le Mythe de Jason et de Médée, Le va-nu-pieds et la sorcière. – Paris, Editions Les Belles Lettres, 1994. – 327 p.

Reich-Rainicki, M. Tante Christa, Mutter Wolfen / M. Reich-Rainicki // Der Spiegel. 04. 04. – 1994. – N. 14. – S. 194-197.

Schirmmacher, F. „Dem Druck des härteren, strengeren Lebens standhalten.“ Auch eine Studie über den autoritären Charakter / F. Schirmmacher // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2. Juni 1990.

Wolf Ch. Von Kassandra zu Medea. Impulse und Motive für die Arbeit an zwei mythologischen Gestalten / Ch. Wolf // Wolf Ch. Hierzulande. Andernorts. Erzählungen und andere Texte. 1994-1998. – München: Luchterhand, 1999. – 164 S.

REFERENCES:

Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili intertekst v mire tekstov / N.A. Fateeva. – Moskva: Agar, 2000. – 280 s.

Gasparov, M. L. Izbrannyye trudy. T.I: O poehtah / M.L. Gasparov. – Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. – 664 s.

Ivlieva, P. D. Ot P. Kornelya k L. Ulickoj: ehvolyuciya obraza Medei v Evropejskoj literature / P.D Ivlieva // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2017. – № 3. – S. 117-124.

Ivlieva, P. D. Syuzhet o Medee v romanah L. Ulickoj «Medeya i ee deti» i K. Vol'f «Medeya. Golosa» / P.D. Ivlieva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2012. – № 1-2. – S. 68-72.

Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka / Pod red. V.V. Bychkova. – Moskva: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2003. – 607 s.

Rovenskaya, T. A. Arhetip Doma v novej zhenskoj proze, ili Kommunal'noe zhitie i kommunal'nye tela / T.A. Rovenskaya // Inoj vzglyad. Mezhdunarodnyj al'manah gendernyh issledovanij. – Minsk, 2001. Mart.

SHarypina, T. A. «Mama Medeya» Toma Lanoya: bel'gijskij variant v nemeckom kontekste / T.A. SHarypina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo: Seriya Filologiya. – Vyp. 1(7). – Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2006. – S. 105-110.

SHarypina, T. A. Problema vzaimodejstviya vidov iskusstv v nemeckoj filosofsko-ehsteticheskoj mysli na rubezhe XIX-XX vv. /T. A. SHarypina // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2010. – № 4. – S. 993-997.

SHtal', I. V. O proiskhozhdenii bogov / I.V. SHtal'. – Moskva, 1990. – 320 s.

Tishunina, N. V. Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu professora Moiseya Samojlovicha Kagana / N.V. Tishunina // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 18 maya 2001 g. Sankt-Peterburg. Seriya «Symposium». Vypusk №12. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. – С. 149-154.

Ulickaya, L. Medeya i ee deti / L. Ulickaya. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2011. – 352 s.

Vladimirova, N. G. Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost': ucheb. posobie / N.G. Vladimirova; NovGU im. YAroslava Mudrogo. – Velikij Novgorod, 2016. – 170 s.

Vol'f, K. Istoki odnoj povesti: Kassandra. Frankfurtskie lekcii / Per. N. Fedorovoj (lekcii 1 i 2) i A. Karel'skogo (lekcii 3 i 4) / K. Vol'f // Vol'f K. Ot pervogo lica. – Moskva: Progress, 1990. – 414 s.

Vol'f, K. Kassandra. Medeya. Letnij ehtyud / K. Vol'f. – Moskva: Olimp, AST, 2001.– 448 s.

Vorotnikova, A. EH. Miforecepciya v romane K. Vol'f «Kassandra». Monografiya / A.EH. Vorotnikova. – Voronezh: VGPU, 2007. – 150 s.**Greiner, U.** Mangel an Feingefühl / U. Greiner // Die Zeit. 1. Juni. – 1990.

Koua, V. Médée figure contemporaine de l'interculturalité: Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université de Limoges (France) et de l'Université de Cocody (Côte d'Ivoire), 2006. –372 p.

Moreau, Alain. Le Mythe de Jason et de Médée, Le va-nu-pieds et la sorcière. – Paris, Editions Les Belles Lettres, 1994. – 327 p.

Reich-Rainicki, M. Tante Christa, Mutter Wolfen / M. Reich-Rainicki // Der Spiegel. 04. 04. – 1994. – N. 14. – S. 194-197.

Schirmmacher, F. „Dem Druck des härteren, strengeren Lebens standhalten.“ Auch eine Studie über den autoritären Charakter / F. Schirmmacher // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2. Juni 1990.

Wolf Ch. Von Kassandra zu Medea. Impulse und Motive für die Arbeit an zwei mythologischen Gestalten / Ch. Wolf // Wolf Ch. Hierzulande.

Культура и текст №1, 2018 (32)

<http://www.ct.uni-altai.ru/>

Andernorts. Erzählungen und andere Texte. 1994-1998. – München: Luchterhand,
1999. – 164 S.